

ИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Р.С.Гринберг

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ НА ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ: РЕЗУЛЬТАТИВНЫЙ ОПЫТ И НЕУСВОЕННЫЕ УРОКИ

В статье анализируется более чем пятилетний опыт макростабилизационной политики стран Центральной и Восточной Европы. Выявляются инструменты и факторы, обусловившие ее результативность и предпринимается попытка ответить на вопрос, почему в большинстве стран ЦВЕ итоги антиинфляционной политики оказываются более устойчивыми, чем в России.

После пяти лет рыночных реформ в государствах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) не ослабевает полемика по поводу их результативности. Общий вектор дальнейшей динамики социально-экономического развития остается здесь весьма неопределенным. И как всегда в таких случаях одни аналитики склонны рассматривать промежуточные итоги беспрецедентной системной трансформации пока в негативных тонах, другие же тяготеют к оптимистическим оценкам. При этом у тех и у других есть серьезные основания для противоположных выводов.

Позиция, так сказать, "негативистов" в концентрированном виде выражена в обстоятельной монографии А.Амсден, Я.Кохановича и Л.Тейлора [4], где как философия, так и политика реформ всех - я подчеркиваю - всех ранее социалистических стран однозначно оценивается как не соответствующая потребностям политической и социально-экономической модернизации. Можно, конечно, спорить о том, насколько эта общая оценка оправдана в перспективном плане. Но интерпретация этими авторами ряда промежуточных результатов пяти лет реформ кажется вполне обоснованной. Они, в частности, констатируют, что пока только углубляется технологический разрыв между странами Запада и Востока. А ведь преодоление такого разрыва было чуть ли не основным мотивом демонтажа системы директивного планирования. Становление рыночных отношений в странах ЦВЕ все еще почти не сопровождается столь необходимой для них реиндустриализацией экономики, за которой, как принято считать, должна следовать постиндустриальная информатизационная эпоха. Наоборот, повсеместно обнаруживается реальная угроза деиндустриализации, о чем свидетельствует тенденция к "примитивизации" экспорта, сокращению доли высокотехнологичных машин и оборудования в национальном производстве, заметное сокращение государственной поддержки науки, культуры и образования (по сути, никак не компенсируемое частными фирмами) и т.п. Одним словом, преодолевая прежнюю автаркию, страны ЦВЕ еще в большей степени вынуждены специализироваться на производстве полуфабрикатов и сырья и тем самым возвращаются на место "бедного родственника" Запада, место, которое они, собственно, постоянно и занимали в мировой экономике и до 40-летнего "социалистического интермеццо".

Оптимисты же обращают внимание на очевидные положительные моменты в современной социально-экономической ситуации стран ЦВЕ, в большинстве которых преодолена трансформационная рецессия и уже несколько лет подряд наблюдается оживление хозяйственной активности. И это, как известно, кардинальным образом отличает эти страны от России и других государств СНГ, где правящим кругам постоянно приходится пересматривать сроки начала реального хозяйственного роста. В ЦВЕ же такой рост - реальный факт при всем различии его объяснений и прогнозов оптимистов (рост будет только ускоряться) и пессимистов (рост имеет шаткую основу и вскоре иссякнет).

Не вдаваясь в существо полемики между теми и другими, что должно быть предметом специального рассмотрения, следует выделить нечто важное и одновременно общее между ними. Речь идет о устойчивости макроэкономической стабилизации как необходимом условии зарождения положительной хозяйственной динамики.

Эта, по-видимому, универсальная закономерность в целом подтверждается и данными официальной статистики соответствующих стран (см. табл.).

Последовательное снижение темпов инфляции в странах ЦВЕ говорит само за себя. Однако консенсус транзитологов этим и исчерпывается.

И в позитивном (объясняющем) и в нормативном (рекомендательном) аспектах по-прежнему заметно влияние радикал-либерального направления экономической транзитологии. Его адепты связывают обозначившуюся в "продвинутых" странах тенденцию к преодолению высокой инфляции с последовательной реализацией рестриктивной монетарно-финансовой политики, во-первых, и с таким же последовательным дерегулированием внутренней и внешней экономики, во-вторых. Относительный неуспех в этом отношении Болгарии и Румынии объясняется соответственно отсутствием такой последовательности и в той и другой областях. Все в конечном счете сводится к разной мере денежных рестрикций и государственного интервенционизма в процессе системных преобразований. Время от времени появляющиеся в печати варианты типологии трансформирующихся экономик составляются именно по этим критериям. Получается, что результативность макроэкономической стабилизации, достигнутая в Чехии, Польше, Венгрии и Словакии, может быть получена и другими пока менее удачными в этом отношении странами, если последние сведут к минимуму роль государства в хозяйственной жизни и при этом ужесточат контроль над приростом денежной массы. Дж.Сакс, например, указывает на необходимость ограничения деятельности реформаторских правительств исключительно "рамками его *первостепенных функций* до тех пор, пока для самого правительства и экономики в целом не наступят лучшие времена" [1]. В данном случае он дает советы российскому правительству, но считает их универсальными как для удачливых, так и "неудачливых" стран. В круг этих функций он включает только обеспечение стабильности денег, эффективной налоговой системы, правопорядка, а также "элементарную социальную поддержку незащищенных слоев населения".

В духе той же деэтикетской логики высказывается и А.Ослунд. В частности, он делает вывод, что "в период перехода к капитализму возможности государства в высшей степени ограничены. Ограничены значительно больше, чем это обычно осознается... Государственная администрация попросту не способна принимать обоснованные ответственные решения, за исключением небольшого числа прямо адресованных распоряжений, исходящих от высшего руководства. Поэтому единственно оправданной рекомендацией является сведение к минимуму роли государства в период перехода к капитализму [2].

Здесь важно подчеркнуть, что указание радикал-либералов на снижение уровня эффективности государственного аппарата в период системного перелома вряд ли можно оспорить. Иного и нельзя было ожидать после краха командных способов организации общества вообще и экономической координации, в частности. Государственное управление, рассчитанное исключительно на командную экономику, становится мало пригодным для становления рыночного типа хозяйства. Недосток и плохое качество статистической информации, идеологическая дезориентация и слабая профессиональная подготовленность госслужащих к работе в новых условиях, сокращение их "официальных" доходов и повсюду отмечаемый заметный рост масштабов коррупции - все это реальные проблемы, обрушившиеся на первых постсоциалистических реформаторов. Разумеется, в этих условиях государству труднее оценить и проконтролировать размеры издержек, связанных с его деятельностью.

Таблица

Динамика некоторых макроэкономических показателей
(% по отношению к предыдущему году)

Страны	Валовой внутренний продукт (ВВП)				Индекс потребительских цен (ИПЦ)				Индекс оптовых цен (ИОЦ)			
	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.
Чехия	- 6,6	0	2,6	4,8	11,1	20,8	10,2	9,1	9,9	13,1	6,2	7,6
Польша	2,6	3,8	5,0	7,0	43,0	35,3	32,2	27,8	28,5	31,9	25,0	25,4
Венгрия	- 4,5	-1,5	5,1	2,0	23,0	22,5	18,8	28,2	12,3	10,8	11,0	27,3
Словакия	-7	-4	4,8	7,4	10,0	23,2	12,0	9,9	5,6	17,2	9,0	9,0
Румыния	-13,5	1,0	3,4	6,0	219,9	256,1	136,2	32,3	193,4	165,0	140,0	30,0
Болгария	- 7,7	-4,2	1,4	2,5	91,3	74,0	9,0	69,1	50,0	26,8	75,1	59,0

Однако ратовать за максимальную деэтизацию в период, так сказать, "системного вакуума" - это значит не просто капитулировать перед указанными трудностями, а ставить под угрозу весь процесс экономической и политической модернизации постсоциалистических государств.

Ориентация исключительно на подход *laissez-faire* в условиях системных преобразований вряд ли оказалась бы перспективной даже в том, благоприятном для этих государств случае, если бы их микроэкономические кондиции уже достигли состояния, адекватного рыночным принципам распределения ресурсов. Здесь мы разделяем взгляды институционально-структуралистской школы современной экономической мысли, которая, как известно, делает особый акцент на роли государства для развивающихся стран, предпринявших попытку через экономическую модернизацию достичь стандартов развитого Запада [5]. Что же говорить о транзитных экономиках, где хозяйственные субъекты, прежде всего крупные промышленные предприятия - и государственные, и даже формально акционированные - ведут себя отнюдь не по рыночным правилам.

Практика рассматриваемых постсоциалистических стран, во-первых, показала, что в результате отмены командных способов экономической координации такие предприятия сразу же получают максимум свобод, не сбалансированных должной экономической ответственностью. И такой дисбаланс неизбежно инициирует множество аномальных проявлений, прежде всего инфляционных. Патерналистская мотивация, по выражению бывшего польского премьер-министра Яна Белецкого, "инженерно-социальных" учреждений порождает особый тип инфляции, преодолеть которую просто невозможно одним ужесточением денежной и фискальной политики [6]. Уже здесь - в сфере макростабилизации возникала потребность в новом типе государственного интервенционизма, а отнюдь не в его устранении. Во-вторых, вскоре после начала трансформации обнаружилось, что если положиться только на "естественный ход событий", неизбежная системная рецессия сопровождается свертыванием не только "обреченных", но и связанных с ними потенциально жизнеспособных производств и инвестиций. Вместо желаемой реструктуризации экономик в сторону высокотехнологичных западных образцов возникала, как уже отмечалось, угроза их простой деиндустриализации вкупе с длительной депрессией аграрного сектора. Становилось очевидно, что не дать этой угрозе реализоваться - это значит найти оптимальное сочетание внутренней и внешней либерализации с умеренным государственным вмешательством.

Здесь имеет смысл хотя бы кратко рассмотреть позиции аналитиков кейнсианского направления, которые, как известно, также критикуют архитекторов восточноевропейских реформ за чрезмерно глубокий экономический спад в начальный период их проведения и высокие социальные издержки системных преобразований. Но с их точки зрения речь идет не об ошибочности самого выбора пути трансформации, а о игнорировании решающей роли в ней регулирования совокупного спроса. Так, тяготеющие к кейнсианству исследователи из Венского института сравнительных экономических исследований (ВИСЭИ) считают, что "по своему содержанию и методам применения традиционная стабилизация... зашла в тупик прежде всего потому, что в своих теоретических разработках она не приняла в расчет влияния, оказываемого сокращением совокупного спроса на уровень экономической активности. В результате систематически недооценивалось рецессионное влияние этой стабилизации на производство и занятость, а также на расхождение общества" [3, с. 78]. А для того, чтобы выбраться из тупика, необходимо отказаться от ошибочной мысли о том, что правительство должно стараться сокращать свой бюджетный дефицит при *любых* обстоятельствах. Отсюда делается упор на экспансионистскую фискальную политику при сознательном допущении и использовании дефицита государственного бюджета. Придерживаясь же курса на его сбалансированность, "правительства стран с переходной экономикой, - пишут далее сотрудники ВИСЭИ, - отказываются от использования своего самого главного инструмента - стимулирования роста с помощью расширения

спроса, в чем они крайне нуждаются для выхода из нынешнего глубокого кризиса"[3, с. 79].

Таким образом, в противовес выдвигается прямо противоположное предложение. Оказывается, что кардинальный выход следует искать на путях расширения, пусть даже искусственного, совокупного спроса, в том числе через увеличение государственных расходов. Ссылаясь на результативность известного антикризисного "нового курса" Франклина Рузвельта и более или менее успешные прецеденты реализации кейнсианских рецептов в ряде других стран с *устоявшейся* рыночной экономикой, приверженцы расширения совокупного спроса рассчитывают на достижение аналогичного позитивного эффекта в переходных хозяйствах. Они, в частности, полагают, что инициированное государством увеличение денежных доходов начнет стимулировать потребительский спрос, который в свою очередь, дав толчок производству соответствующих товаров и услуг, выведет всю экономику на траекторию динамичного роста.

Представляется, что чисто кейнсианские рекомендации в специфических условиях еще незавершенных системных преобразований не вполне адекватны реальным экономическим процессам. При отсутствии действенного конкурентного механизма и пока еще слабо персонифицированных отношений собственности всегда есть опасность, что первой реакцией хозяйственных субъектов на искусственное вздутие денежного спроса станет не ожидаемая загрузка производственных мощностей, а очередное взвинчивание цен. В России, например, за период реформ нечто подобное уже происходило. Периодические накачки денежного спроса посредством неселективной кредитной экспансии, едва отражаясь на производственной динамике, всегда приводили только к одному результату - дальнейшему росту цен. И если к всплескам инфляции вели кредитные вливания, осуществляемые в пожарном порядке, то легко себе представить, что будет с ценами, когда искусственное увеличение совокупного спроса станет сознательно избранным направлением экономической политики.

Как бы то ни было, спор разных направлений экономической транзитологии, каждое из которых имеет свои резоны, продолжается с неослабевающей интенсивностью. По-видимому, пяти лет мало, чтобы сформировалась более или менее целостная теория, адекватно описывающая беспрецедентный процесс превращения командной экономики в рыночную вообще и место в этом процессе макроэкономической стабилизации в частности. Тем не менее обозначившиеся успехи одних стран и неудачи других позволяют сделать некоторые предварительные обобщения относительно макростабилизационных аспектов преобразований.

Здесь, как уже отмечалось, среди транзитологов разных мировоззрений царит по сути широкий консенсус, сводимый к тезису: "без контролируемой и управляемой инфляции нет шансов на успешную системную трансформацию". Но дьявол, как говорится в одной пословице, прячется в деталях, т.е. в данном случае в конкретном выборе и применении средств антиинфляционной политики, причем такой политики, результаты которой - последовательное снижение темпов ценоповышательного процесса - не препятствовали бы ходу реформ и оживлению хозяйственной активности.

Именно таким образом обстоит сегодня дело в большинстве стран ЦВЕ, где пакет основных средств антиинфляционной политики, во-первых, практически идентичен, во-вторых, характеризуется целостностью и взаимодополняемостью применяемых стабилизаторов, и, в-третьих, их реализация базируется на более или менее равномерном распределении издержек макростабилизации и, значит, обеспечивает социальную приемлемость всей антиинфляционной политики.

Ее результативность определяется, следовательно, не только и, может быть, даже не столько, степенью "жесткости" монетарной политики властей, сколько их способностью систематически управлять денежной массой в сочетании с *систематическим регулированием части цен, личных доходов и курса национальной валюты*, что фактически остается вне поля зрения адептов ортодоксального монета-

ризма. Но ведь именно это и происходит в Чехии, Венгрии, Польше, Словакии и Словении, где внимательно следят за согласованностью и взаимоувязкой государственных воздействия по всем четырем направлениям, чем и достигается устойчивость стабилизационного эффекта. В современной транзитологической литературе описываются преимущественно механизмы денежно-кредитной и финансовой политики, т.е. акцентируется первое из указанных направлений, в то время как остальные три либо игнорируются, либо упоминаются скороговоркой и рассматриваются как нечто второстепенное, не столь обязательное для обуздания неконтролируемой инфляции. Между тем все они, по меньшей мере, *равноценны*. Сначала о *государственной ценовой политике* в контексте макроэкономической стабилизации.

Как известно, в условиях уже устоявшейся рыночной экономики централизованное регулирование цен распространяется главным образом на секторы так называемых естественных монополий или является результатом неких экстраординарных обстоятельств, требующих вмешательства государства в ценообразование. Регулирование же цен в переходных экономиках было призвано прежде всего смягчить ценовой шок, который возникал при одномоментной разрядке инфляционного потенциала. И хотя в рассматриваемых странах согласно национальным законодательствам о ценах их уровень, главным образом, определяется на рынке на основе соотношения спроса и предложения, правительства сохраняют за собой право в тех случаях, когда этого требуют общественные интересы, осуществлять административное регулирование ценообразования. В каждой из стран есть, разумеется, своя специфика системы регулирования ценообразования. Здесь уместно выделить лишь некие общие инструменты ценового регулирования.

Самой жесткой формой государственного регулирования цен является их замораживание на конкретных рынках на заранее указанный период времени, как правило, не более чем на шесть месяцев.

Правда, эта мера может даже стимулировать инфляцию: предприятия прибегают к превентивному повышению цен на свою продукцию, а после истечения срока действия ограничений на повышение цен происходит их новый резкий скачок.

Наиболее мощный административный способ регулирования цен - централизованное установление на определенные товары фиксированных цен (максимальных, твердых, минимальных, прогнозных, предельных и т.п.), которые не могут быть изменены в произвольном порядке.

Главной формой централизованно установленных фиксированных цен является максимальная цена. Ниже установленного уровня она не препятствует свободному движению цен в зависимости от спроса и предложения, оставаясь при этом достаточно эффективным барьером для спекулятивных действий монопольных производителей и продавцов. В то же время практика использования централизованно устанавливаемых максимальных цен (Чехия, Словакия, Венгрия) показывает, что область их применения должна быть ограничена незначительным числом позиций, которые легко поддаются регулированию, например, часть основных продуктов питания, топливо и т.п. При этом по мере дальнейшей либерализации экономики сфера применения этой формы регулирования во всех странах постепенно сужается. Ведь всегда есть опасность, что в неразвитой рыночной экономике твердые цены могут стать существенным фактором блокирования рыночных отношений.

Значительно шире в рассматриваемых странах используются более мягкие методы регулирования цен и, прежде всего, регулирование движения цен во времени. В этом случае устанавливается обязательный минимальный срок заблаговременного уведомления о готовящемся повышении цены, а также запрет на повторное повышение цены в течение определенного времени. Так, в Чехии и Словакии продавец, занимающий монопольное или доминирующее положение на рынке данного товара, обязан поставить в известность орган ценообразования как ми-

нимум за месяц до готовящегося повышения цены на товар. В те же сроки он обязан предупредить этот орган о повторном повышении цены, которое в течение года могло бы привести к росту цены, превышающей централизованно установленный предельный уровень.

В рассматриваемых трансформируемых экономиках получил распространение и такой метод регулирования цен, как централизованное утверждение на оговоренный срок определенного способа расчета необходимых затрат и средней прибыли, включаемых в цену. Базой в данном случае служат уровень фиксированных цен и цены реализации импортных аналогов. Эта форма регулирования используется применительно к более широкому кругу товаров, которые могут быть дифференцированы по ассортименту.

Важно подчеркнуть, что различия в масштабах, конкретных методах, комбинации отдельных форм регулирования цен в значительной мере обуславливались как стартовыми условиями, так и избранной концепцией либерализации цен.

Страны с наиболее последовательной стратегией реформ и проработанностью ее отдельных тактических шагов с учетом реалий переходного периода (Чехия, Словакия, Венгрия) наиболее последовательно применяли регулирование цен, постепенно ослабляя административные рычаги, что, наряду с другими стабилизаторами, и обеспечило умеренные темпы инфляции. В то же время страны с изначально худшими стартовыми условиями (Болгария, Румыния) вынуждены постоянно вносить коррективы в первоначальную либеральную концепцию, то усиливая, то ослабляя государственное регулирование цен.

Справедливости ради следует отметить, что эйфория по поводу чисто монетаристских рычагов макроэкономической стабилизации наблюдалась вначале и в первой группе стран. И здесь особенно характерен пример Чехии, слывущей сегодня чуть ли не образцом среди стран с переходной экономикой. Так, в самом начале системной трансформации в ней была допущена чрезмерная либерализация аграрной сферы, т.е. последняя была лишена механизмов, необходимых для постепенной адаптации к новым условиям хозяйствования. В результате рост цен на продовольственные товары повлек за собой слишком сильные "спросовые ограничения", что в свою очередь привело к сокращению закупок и производства сельскохозяйственной продукции. В то же время монопольное положение предприятий снабженческо-сбытовой и перерабатывающей сфер позволяло им в условиях либерализации цен перекладывать возросшие издержки на сужающийся круг потребителей.

Возникшие проблемы выявили необходимость регулирования продовольственного рынка. И надо отметить, что правительство оперативно скорректировало курс на невмешательство в "свободную игру рыночных сил", разработав целую систему защитных мер по регулированию спроса и предложения на рынке продовольствия. Важнейшим инструментом такого регулирования стал Государственный фонд рыночного регулирования, который ежегодно утверждает перечень сельскохозяйственных продуктов с регулируруемыми ценами, осуществляет закупки, переработку, складирование, транспортировку и продажу сельскохозяйственных продуктов. Фонд координирует, далее, объемы и сроки пополнения запасов сельскохозяйственных продуктов, их высвобождение для внутреннего рынка и возможного экспорта, а также рекомендует соответствующим центральным органам государственного управления уровень минимальных гарантированных цен на сельскохозяйственную продукцию и продукты питания.

Разумеется, нежелательным побочным эффектом государственного регулирования аграрного рынка оказывается определенная консервация структуры и объемов производства, а также искусственные барьеры на пути развития внешней торговли. Вследствие этого государства, проводящие политику последовательного и перманентного вмешательства в аграрный сектор, вынуждены постоянно пересматривать степень и формы регулирования. Но результативность такого вмешательства как стабилизационной меры вполне очевидна: применение фонда

рыночного регулирования, т. е. целенаправленное регулирование уровня цен на определенные продукты, оказало существенное воздействие на снижением темпов роста индекса стоимости жизни.

Таким образом, ценовой интервенционизм достаточно широко используется правительствами посткоммунистических стран в процессе системной трансформации. И хотя цены в основном определяются ситуацией на рынке, инфляционному давлению противодействуют дифференцированные по степени жесткости государственные инструменты регулирования цен. Такого рода регулирование позволяет "растянуть" во времени весьма жесткие последствия радикальной либерализации внутренней и внешней экономики. Но, важно иметь в виду, что как изолированная мера, ценовой контроль утрачивает едва ли не всю свою действенность. Направленные на сдерживание инфляции и в то же время не блокирующие системную трансформацию правительственные интервенции в процесс ценообразования "работают" только в пакете с другими антиинфляционными инструментами и, прежде всего, с *централизованным регулированием личных доходов*.

Здесь важно подчеркнуть, что даже в странах с устоявшейся и развитой рыночной экономикой всегда существует риск того, что цены и заработная плата, если они в силу разных причин начинают расти, образуют прочную спираль "цены-доходы-цены". В странах же с переходной экономикой этот риск неизмеримо выше, ибо в них только формируются цивилизованные механизмы противоборства в принципе не совпадающих материальных интересов работодателей (предпринимателей) и работников (трудящихся по найму). В условиях, когда еще нет сильного класса суверенных предпринимателей и эффективного рынка труда, практически только правительство заинтересовано в достижении общественного согласия по поводу ограничения роста личных доходов сверх материальных возможностей их удовлетворения. Так что прочность макроэкономической стабилизации изначально предопределена умением и политической волей правительств найти и (что особенно важно в контексте российских реалий) реализовать оптимальную комбинацию интервенционизма и либерализма в формировании личных доходов. Поэтому неудивительно, что там, где это удается, незамедлительно обозначаются стабильные успехи антиинфляционной политики. Достаточно сослаться на весьма жесткую политику доходов в Чехии, Венгрии и особенно в Польше, где вплоть до недавнего времени взимались высокие налоги на сверхнормативные приросты заработной платы, что, собственно, и позволяло сдерживать инфляцию как со стороны спроса, так и предложения.

Следует упомянуть, наконец, о четвертом направлении целостного пакета макростабилизационных мероприятий - регулировании валютной сферы вообще и обменного курса национальной валюты в частности. Анализ валютной политики успешных в макростабилизационном отношении стран, например Чехии, Венгрии, Словакии и Польши, подводит к выводу, что одним из решающих факторов ее результативности, как, впрочем, и совокупных антиинфляционных усилий, явилась однозначная ориентация на *фиксированный* валютный курс с самого начала системной трансформации. В то же время опыт Болгарии и Румынии подтвердил, что концепция, в соответствии с которой фиксированный валютный курс должен вводиться только по достижении более или менее устойчивой стабилизации (а до этого следует использовать "плавающий" курс), противоречит сущности и логике стабилизационного процесса, поскольку такой курс сам превращается в мощный дестабилизирующий фактор.

* * *

Из изложенного следует, что очевидная результативность макростабилизационных усилий в большинстве стран Центральной и Восточной Европы никак не может быть связана с последовательным использованием рецептуры ортодоксального монетаризма. Денежная масса, конечно же, контролируется более или

менее строго при периодической смене жестко рестриктивного курса на нейтрально рестриктивный и наоборот. Но обнаружилось, что если ограничиваться только этим, т. е. игнорировать немонетарные факторы инфляции и уклоняться от систематического воздействия на них, то на периодические ужесточения монетарной и фискальной политики переходная экономика, как правило, реагирует не столько снижением темпов роста цен, сколько стремительным нарастанием платежей. А поскольку такая реакция оказывается, по сути, универсальной, возникают, как уже отмечалось, серьезные основания для гипотезы о некоей особой, трансформационной инфляции, к основным характеристикам которой относятся инерционность сформировавшейся при командной экономике производственной структуры, недостаточная рыночная мотивация предприятий, их чрезмерная склонность к текущему потреблению, ослабление спросовых ограничений из-за "необязательности" платежей и, наконец, исключительно высокий уровень концентрации производства с вытекающей отсюда проблемой монополизма и монопольных цен. Так что решающий фактор устойчивого замедления инфляции в рассматриваемых странах - осознание и учет ее особой трансформационной специфики и, конечно же, точное административное реагирование на ее вызов, хотя в правительственных декларациях акцент обычно делается только на опасности мягкой денежной и финансовой политики.

Реформаторы стран ЦВЕ преуспели в антиинфляционной политике прежде всего потому, что им удалось вычленив две наиболее действенные порочные спирали в обесценении денег: "цены - доходы - цены" и "инфляция - девальвация национальной валюты к СКВ - инфляция". При этом они продемонстрировали способность практически подавлять эти спирали с помощью механизмов, которые внешне противоречат либеральной парадигме, а на деле только и обеспечивают ее необратимую реализацию. По-видимому, здесь каким-то образом нащупывается новое качество государственного интервенционизма, не боящегося обвинений со стороны доктринального либерализма и четко осознающего свою ответственность за последовательность и необратимость системных преобразований.

Из анализа опыта этих стран под углом зрения его возможного применения в России вытекают следующие выводы:

- темпы трансформационной инфляции всегда при прочих равных условиях выше темпов инфляции, свойственной устоявшимся рыночным экономикам, в силу незавершенности становления новых отношений собственности, большей интенсивности распределительных конфликтов, глобальности и длительности изменений хозяйственной структуры, а также недоразвитости конкурентных отношений и финансового рынка;
- обнаруживается достаточно прямая связь между замедлением инфляции и оживлением хозяйственной активности. Но если экономический рост носит конъюнктурный и кратковременный характер, опасность срыва макроэкономической стабилизации резко увеличивается;
- хозяйственная политика в переходных экономиках не может оставаться в рамках дилеммы "монетаризм - кейнсианство". К их оздоровлению не ведет ни сокращение совокупного денежного спроса любой ценой, ни его искусственное расширение: едва отражаясь на производственной динамике, это способствует только ускорению дальнейшего роста цен;
- макроэкономическая стабилизация имеет шансы на устойчивый успех, если системные преобразования управляемы, а саму ее отличает комплексность, взаимодополняемость и социальность;
- при проведении антиинфляционной политики следует избегать вопиющего разрыва в доходах, гипертрофии денежной компоненты инфляции, бесхозности госсобственности, недооценки административного регулирования цен естественных монополий, установки на ослабление государственного интервенционизма в

целях борьбы с коррупцией, а также шокового открытия экономики внешнему миру;

- неперенным условием достижения макроэкономической стабилизации являются также преодоление валютизации внутреннего платежного оборота, ориентация на фиксированный валютный курс, а также соблюдение правила 100-процентной продажи экспортной выручки на национальную валюту.

В заключение следует отметить, что социальная цена реформ в России оказывается значительно выше, чем в странах Центральной и Восточной Европы именно потому, что российские практикующие реформаторы всерьез начали реализовывать два неизменных, а применительно к переходным экономикам особенно уязвимых постулата монетаристской ортодоксии: "любое государственное вмешательство всегда вредит эффективному размещению ресурсов" и "любое изменение общего уровня цен всегда следствие сдвигов только на стороне денежного предложения". Бывшие же партнеры России по социалистическому содружеству не спешили действовать со страстью неопита и учились проводить реформы и решать возникающие в связи с ними проблемы с помощью механизмов, которые по внешней видимости противоречат абстрактно-теоретическому либерализму, а на деле только и обеспечивают реальное движение к цивилизованному рынку.

Элементы прагматизма проявляются сейчас и в российской политике. Достаточно назвать демонизируемые ранее фиксированный валютный курс, регулирование цен естественных монополий, валютный контроль и т.п. Но все это пока разрозненные шаги. Экономической политике явно недостает комплексности, взаимодополняемости и социальности, почему, собственно, и требуется ее существенная корректировка.

Литература

1. Дж. Сакс. Рыночная экономика и Россия. (перевод с англ.). - М.: ВВСПРМ, 1994, с.327.
2. Ослунд А. Шоковая терапия в Восточной Европе и России. - М.: 1994, с.39.
3. Бхадури А, Ласки К, Левчик Ф. Переход от командной экономики к рыночной системе. Что не получилось и что теперь делать? - Вена, 1993.
4. The Market meets match. Restructuring the economies of Eastern Europe. Harvard-Univ. Press, 1994.
5. I. Adelman. Long-Term Economic Development. World Development Report, 1991, p. 5.
6. Bielecki. Problems of the Polish Transformation. "Communist Economics and Economic Transformation", Vol. 4, №3, 1992.